

**Санкт-Петербургский филиал
Государственного университета –
Высшей школы экономики
Факультет социологии
и Научно-учебная лаборатория
социологии образования и науки**

**"Социологическое воображение"
конференция молодых социальных ученых
Санкт-Петербурга**

16 мая 2009 г.

Тезисы докладов

Правительство Российской Федерации

Санкт-Петербургский филиал
Государственного университета – Высшей школы экономики
Факультет социологии
и Научно-учебная лаборатория социологии образования и науки

Социологическое воображение
Конференция молодых социальных ученых
Санкт-Петербурга

16 мая 2009 года

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
Издательство Политехнического университета
2010

ББК 60.5
С 69

Социологическое воображение : конференция молодых социальных ученых Санкт-Петербурга. 16 мая 2009 г. [Электронный ресурс]. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2010. – 62 с.

В сборнике опубликованы доклады студентов старших курсов Санкт-Петербургских вузов. Доклады разделены по тематике на четыре секции:

1. Образованные профессионалы
2. Молодежь: группы риска
3. Сообщества в интернете
4. Практики и вещи

*Под редакцией:
Александрова Д. А.
Вейхера А. А.
Каплуна В. Л.*

ISBN 978-5-7422-2583-6

© Санкт-Петербургский филиал
Государственного университета –
Высшей школы экономики, 2010
© СПбГПУ, 2010

Оглавление

Секция 1 ОБРАЗОВАННЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЫ

Ольга Истелин-Герей “Утечка умов” в сфере высоких технологий: мотивы для профессиональной миграции.....4

Яков Скворцов Архаисты и новаторы: системы мотивации на предприятиях крупного, малого и государственного бизнеса в Санкт-Петербурге.....11

Маргарита Кулева Отношение к СМИ российского образованного класса (на примере представителей высокотехнологичных специальностей ВУЗов Санкт-Петербурга)18

Секция 2 СООБЩЕСТВА В ИНТЕРНЕТЕ

Дмитрий Ясинский Исследование воспроизводства отношений статуса и престижа в коммуникационной среде Интернет на примере социальной сети Вконтакте.ру23

Иван Зырянов «Революция» библиотеки – файлообмен.....28

Секция 3 МОЛОДЕЖЬ: ГРУППЫ РИСКА

Мария Певзнер Уличная социально-образовательная работа с безнадзорными детьми: «Мобильная школа» в Санкт-Петербурге (case study).....30

Анна Алексеева Дети в бедных семьях: организация воспитания37

Елизавета Герм Навыки и практики детей сирот в детском доме.....41

Александра Рыжкова Отношение к экстремизму студентов Санкт-Петербурга (анализ социологического исследования).....45

Секция 4 ПРАКТИКИ И ВЕЩИ

Максим Кудряшов **Антропология заброшенного города: Модели рецепции в массовых представлениях..... 49**

Андрей Беляев Что вещи могут рассказать о практиках. Старые путеводители как информанты.....55

Елена Филимонова Возможности методов визуальной социологии на основе сравнительного анализа фотографий60

Секция 1. ОБРАЗОВАННЫЕ ПРОФЕССИОНАЛЫ

Ольга Истелин-Герей
Смольный институт
свободных искусств и наук
СПбГУ

“Утечка умов” в сфере высоких технологий: мотивы для профессиональной миграции

Современный мир – это, в первую очередь, мир глобализирующийся, мир открытых границ. Учебные и рабочие миграции в таком контексте можно рассматривать как неотъемлемый атрибут настоящего. Человек ищет, где ему будет лучше (комфортнее, интереснее, свободнее, полезнее в данный момент, спокойнее и тому подобное – мотивы такой миграции и есть основная исследовательская проблема), и ему сложно запретить выбирать страну для работы/проживания.

Однако для современного российского общества проблема “миграции умов” приобретает жизненно важный характер, поскольку она неразрывно связана с перспективами российской экономической и социальной модернизации. Приоритетным становится развитие инновационных технологий. Делается ставка на то, что новая политика страны, направленная на модернизацию, привлечёт высококвалифицированных специалистов, а так же молодых учёных, для которых будут созданы все необходимые условия для научной работы. Тем не менее, несмотря на то, что в стране делаются ставки на развитие наукоёмких технологий, из страны продолжает

уезжать всё больше и больше высококвалифицированных специалистов.

Основная цель проведённого исследования – выяснить, чем мотивирована профессиональная миграция специалистов высокотехнологичных отраслей в наши дни на фоне развития наукоёмких технологий в России. Для этого важно понять факторы, определяющие личные мотивы для профессиональной миграции, а так же выяснить, каково “социальное самочувствие” российского образованного класса: насколько “комфортно” они чувствуют себя в современном российском обществе, и от чего этот уровень комфорта зависит.

Объектом данного исследования является “социальное самочувствие” специалистов в высокотехнологичных отраслях. Предмет исследования – мотивы потенциальной профессиональной миграции специалистов высокотехнологичных сфер Санкт-петербургских вузов с опытом работы.

Проблема “миграции умов” не является новой, на эту тему было проведено большое количество исследований. Тем не менее, нельзя не учитывать тот факт, что с течением времени могут появиться какие-то новые аспекты проблемы: меняются отношения между государствами, на мировой арене происходят новые события, влияющие на жизнь каждого отдельно взятого государства. Изменения происходят и внутри страны, меняются концепции её дальнейшего развития. Определённым образом на общую остановку повлиял мировой экономический кризис. Таким образом, цель исследования – не столько открыть что-то новое, сколько посмот-

реть, что и как изменилось с течением времени, вследствие изменения ситуации в стране и в мире.

Также представляется интересным проследить некоторую динамику. Со временем произошла трансформация понятия, и “утечка умов” стала ассоциироваться в первую очередь с “миграцией умов”. Сейчас правильнее говорить о международном научном сотрудничестве, которое является закономерным этапом развития научного сообщества в глобализирующемся мире.

Главные выводы исследования сделаны на основе серии глубоких интервью с высококвалифицированными специалистами – выпускниками Санкт-Петербургских вузов, ведущими научную деятельность в физико- и химико-технических отраслях и имеющими опыт работы за границей. По этому критерию можно выделить три основные группы информантов. Первая группа – те, кто работал за границей в течение длительного времени по контракту (от нескольких месяцев до года). Вторая группа (самая многочисленная) – те, кто были за границей в командировках, на конференциях. Третья группа – те, кто в данный момент проживает за границей и в ближайшее время не собирается возвращаться в Россию. Стоит отметить, что информанты из первой и второй групп до сих пор периодически бывают за границей на конференциях. Так же практически все представители первой и второй групп работают по контракту с западными компаниями, проживая на территории РФ.

Информанты разделяются на две группы по месту обучения. Первая группа – это выпускники специализированного вуза, а

именно Санкт-Петербургского Государственного Политехнического Университета. Вторая группа – выпускники физического факультета Санкт-Петербургского Государственного Университета.

Представители первой группы ведут активную научную деятельность, связанную непосредственно с высокими технологиями. Они не всегда охотно рассказывают о том, чем конкретно занимаются в данный момент. А если и рассказывают, то просят выключить диктофон. Это можно объяснить тем, что сотрудничество с западными компаниями накладывает некоторые ограничения на распространение информации о своих проектах. Однако, если информанты объясняли, в чём конкретно заключается их деятельность, то делали они это предельно понятно.

Представители второй группы преподают на физфаке СПбГУ и в данный момент, как правило, не занимаются реальными исследованиями, связанными с развитием новых технологий. Они ведут исключительно преподавательскую деятельность. На вопросы о том, чем же они занимались/занимаются в данный момент, информанты из этой группы отвечали, используя большое количество терминов. Такая терминология, предполагаю, будет понятна человеку с техническим/физическим образованием, однако она тяжела для восприятия далёкого от этой сферы человека.

Возможно, за обильной терминологией информанты из второй группы прячут свою невовлечённость в процессы, связанные с реальными и актуальными на сегодняшний момент исследованиями. Информанты из первой группы, занимающиеся инновационными разработками, вращаются в определённой среде, где, вероятно, периодически приходится объяснять посторонним людям, чем они

занимаются (например, инвесторам). Отсюда можно вывести гипотезу о том, что включённость в реальные сети влияет на способность свободно рассуждать о своей деятельности, без излишнего использования терминологии, которая может быть непонятна обывателю.

Согласно проведённому исследованию, “утечка/миграция умов” сегодня не является серьёзной проблемой для государства. Тем не менее, процесс продолжается и его невозможно остановить, поскольку в настоящее время его закономерным этапом стало международное научное сотрудничество, являющееся неотъемлемым атрибутом современного глобализирующегося общества. Поэтому можно говорить о том, что причины, по которым учёные покидают страну сейчас, отличаются от тех, которыми они руководствовались раньше, когда “утечка умов” была проблемой номер один для государства.

Во-первых, финансовый вопрос не потерял свою актуальность со временем. Согласно проведённому исследованию, в России, чтобы заниматься любимым делом (в данном случае: проводить исследования), которое не приносит доход, нужно заниматься чем-то ещё исключительно ради денег.

Однако сейчас речь идёт не только о разнице заработных плат учёных и о разнице в объёмах финансирования научных проектов в России и за границей. Сейчас не менее важным становится вопрос, связанный с системой финансирования. В России финансирование научных проектов плотно связано с тем, что информанты называют бюрократией: большой вес имеют личные знакомства, связи. По

этому озвученные правительственные программы, направленные на развитие наукоёмких областей, не воспринимаются серьёзно. Выделяются деньги на решение глобальных проблем, в то время как проблемы локальные не решаются (влияние личных связей, бюрократия, несовершенство системы финансирования).

Таким образом, получается, что большая часть интересных проектов не получает должную финансовую поддержку. Однако этот пункт можно назвать спорным: финансовый кризис отразился сильнее на западной экономике, поэтому за границей сейчас также нестабильно. Можно предположить, что вследствие этого миграционный поток на Запад снизится, но это предположение пока остаётся на уровне гипотезы.

Во-вторых, плохое развитие инфраструктуры и сферы услуг влияет на социальное самочувствие представителей высокоинтеллектуальных сфер деятельности. Эта проблема является актуальной не только для исследуемой группы людей, но и для всего российского общества. Со временем в государстве выработалось то, что называют “системой” и то, с чем сложно бороться. Эта “система” мешает полноценной модернизации страны: к примеру, проблемы бытового характера не позволяют деньгам, выделенным на развитие высоких технологий, работать эффективно. Остаётся открытым вопрос, насколько эта “система” реальна, не надуманна.

В-третьих, высококвалифицированными специалистами руководит профессиональный интерес: желание получить необходимый опыт, “потрогать” оборудование, которого не хватает в российских университетах, посмотреть, как работают учёные за границей, познакомиться с научным сообществом.

Однако данный вывод можно назвать спорным. Основываясь на результатах исследования и учитывая характеристики информантов, попавших в выборку, можно предположить, что некоторые обозначенные выше проблемы – это стереотипы, не имеющие реального подтверждения. Очевидно, в научном сообществе, как и в любом другом, существует своя мифология. В данном случае, это моменты, которые принято считать проблемными, даже если человек лично с ними не сталкивался. Какой вес в научном сообществе имеет мифология, связанная с процессом “утечки умов”, предстоит выяснить в дальнейшем. Ответ на этот вопрос может стать одним из вариантов продолжения данного исследования.

Развитие современной науки тесно связано с возможностью кооперации учёных разных стран. В данном контексте “миграция умов” не является проблемой, скорее это именно то, что способствует развитию науки. Поэтому можно, основываясь на проведённом исследовании, которое выявило динамику процесса в настоящее время, принять определённые меры, чтобы создать благоприятные условия для работы высококвалифицированных специалистов и в России. В первую очередь, речь идёт об увеличении объёмов финансирования научного сектора. Так же необходимо сделать систему получения грантов более прозрачной, исключив тем самым возможность использования “личных знакомств”. Исправить ситуацию может, например, развитие бизнеса в высокотехнологичных отраслях. Таким образом, государство не должно препятствовать “миграции умов”, а основной задачей правительства должно стать создание необходимых условий для комфортной работы высококвалифицированных специалистов в России.

Яков Скворцов

социологический ф-т СПбГУ

Архаисты и новаторы: системы мотивации на предприятиях крупного, малого и государственного бизнеса в Санкт-Петербурге

По мере развития общества развивался и системный подход к мотивации персонала. Прошло довольно много времени с того момента, как А. Маслоу сформулировал свою пирамиду потребностей, и её стали успешно применять многие предприятия, сначала преимущественно на западе, а потом и на отечественных предприятиях. Сегодня каждый руководитель знает, что для эффективной работы сотрудники должны быть мотивированы. Для создания мотивации требуется комплексный подход. В начале прошлого века, помимо теорий американских психологов, исследующих и разрабатывающих подходы к изучению содержательной стороны мотивации (потребности – как основной мотив), разрабатывались так же процессуальные теории (теория ожидания, теория справедливости). Совмещенные в единую систему мотивации, они на сегодняшний день чаще всего применяются в российских предприятиях.

С начала 80-х годов широкое распространение получает идея совместного управления капиталом, участие в прибылях и акционерном капитале. В таком случае компания отходит от удовлетворения потребности каждого работника и переходит на удовлетворение групповых или коллективных потребностей. Это оказывается весьма действенным способом повышения «корпоративного духа» и улучшению

«корпоративной культуры». Моральное стимулирование становится все более важным методом в системе мотивации персонала.

В 2009 году нами было проведено исследование на тему сравнительного анализа систем трудовой мотивации на предприятиях различного типа предпринимательской деятельности. Актуальность данной темы обусловлена тремя факторами.

Во-первых, современные социально-экономические процессы, их глобализация и общая тенденция развития мировой экономики привели к тому, что поменялся взгляд на ценность и роль человеческого ресурса на предприятии. С изменением и переосмыслением взглядов на человеческий ресурс изменился и подход к его трудовой мотивации. Система трудовой мотивации становится социально более значимым процессом на современном предприятии. Она направлена не только на мотивацию работника к труду, но и на его самосовершенствование и обучение.

Во-вторых, уровень безработицы и забастовки на предприятиях показывают неэффективность используемых сегодня систем трудовой мотивации разработанных в прошлом веке в психологии и менеджменте. Проблема трудовой мотивации становится социально значимой проблемой любого предприятия, любого типа предпринимательской деятельности.

В-третьих, низкий потенциал высокопроизводительной силы в России, который по оценкам специалистов составляет 40% от показателей Японии или Германии, говорит о необходимости изменения подхода к работнику в системе трудовой мотивации.

Таким образом, целью исследования было исследование классических и современных подходов к трудовой мотивации персонала с

социологической точки зрения и определение наиболее социально значимых элементов системы трудовой мотивации персонала для предприятий различного типа деятельности (на примере государственного, малого и совместного предпринимательства).

Как показало исследование теоретических вопросов, трудовая мотивация в социологии организации имеет устойчивую традицию, достаточно широк круг проблематики.

Социально-психологические теории трудовой мотивации рассматривают, содержательную сторону выделяя основные стимулы, влияющие на мотивацию работника.

К авторам социально-экономических теорий трудовой мотивации относится американский классик современной социологии Т. Парсонс, рассматривающий мотивацию через выбор поведения индивидом исходя из конкретных ситуаций на предприятии.

Так же рассмотрены теории ориентации на работу (Д. Голдтропа, Д. Локвуда и др.). Основа этих теорий – ориентация сотрудников на цель работы.

В работах отечественного социолога В. Ядова в конце 50-х годов впервые изучается трудовая мотивация и ценностные ориентации в СССР.

Несмотря на то, что существует целый пласт исследований по трудовой мотивации, в современной социологии возникают новые нерешенные проблемы, требующие интерпретации, такие как:

1. Влияние системы трудовой мотивации на формирование неформальных отношений на предприятии;

2. Новые процессы взаимодействия руководства и подчиненных в результате применения социальных форм трудовой мотивации (корпоративный отдых, тренинг и семинар на предприятии);
3. Влияние системы трудовой мотивации на общий уровень развития работника;
4. Зависимость стиля руководства от системы трудовой мотивации;
5. Влияние трудовой мотивации предприятия на окружающую социально-политическую, социально-экономическую и культурную ситуацию в обществе.

Таким образом, трудовая мотивация предполагает поиск новых путей решения поставленных задач.

Обобщение теории вопроса системы трудовой мотивации показывает, что наиболее важными элементами выступают:

1. Цели и задачи предприятия, определяющие основные требования к работникам, их профессиональные навыки, уровень образования и личные качества;
2. Стиль руководства, определяющий возможности перспективного применения системы трудовой мотивации на предприятии;
3. Состав работников, стаж, квалификация, личностные ожидания и предпочтения;
4. Материальное стимулирование – заработная плата, премии, бонусы, социальные программы, участие в прибылях и т. п.;
5. Нематериальное стимулирование – предоставленная автономия сотруднику, поощрение применения различных навыков и умений, чет-

кая постановка целей и задач перед работником, обоснование важности выполняемой работы.

Последние два пункта играют важную роль в формировании командного духа, корпоративной культуры на предприятии, позволяют ощутить каждому сотруднику его значимость на предприятии, объединяет работников одной целью.

Именно эти элементы и стали основой для проведения эмпирического исследования. Обозначенные элементы системы трудовой мотивации мы изучали следующими методами: анализ документов предприятия и интервью с руководством, анкетирование сотрудников, метод наблюдения. Для изучения системы трудовой мотивации на предприятиях с различными типами предпринимательской деятельности нами были взяты три организации:

1. Центр психолого-медико-социальной помощи и сопровождения детей от 3 до 18 лет (государственное некоммерческое предприятие, финансируется Комитетом по образованию Санкт-Петербурга);
2. Компания «Слава» (предприятие малого бизнеса, транспортная компания);
3. Гостиница «Sokos Hotel Palace Bridge» (5 звезд, входит в крупную финскую сеть отелей).

Основные выводы исследования

Вывод 1. Система трудовой мотивации существенно отличается на предприятиях различного типа предпринимательской деятельности, в частности по характеру руководства.

1. Для государственного предприятия характерно слабое материальное стимулирование и ситуативный подход в трудовой мотивации сотрудников.

2. Для предприятия малого бизнеса характерно стихийное применение методов материального стимулирования, связанное с тем, что общий доход предприятия зависит от множества внешних показателей.
3. Для совместного предпринимательства характерно широкое использование множества способов материального и нематериального стимулирования, объединенных в четкую систему.

Вывод 2. В системе трудовой мотивации на предприятиях различного типа предпринимательской деятельности персонал своеобразно воспринимает методы по стимулированию трудовой деятельности.

1. При работе на государственном предприятии работники выше всего ценят возможность реализовать свой творческий потенциал. Предоставленную автономию и возможность применения разнообразных умений и навыков сотрудники Центра ценят выше заработной платы и любых других методов материального стимулирования. Базовая ставка сотрудника центра составляет 7000 рублей.
2. На частном предприятии малого бизнеса сильные межличностные отношения подчиненных с руководителем приводят к высокой оценке предоставленной автономии. Также важна заработная плата, включающая в себя так же наличие премий и бонусов. Заметной разницы между материальным и нематериальным стимулированием в оценке работниками нет.
3. На совместном предприятии сотрудники высоко ценят элементы материального стимулирования заметно выше, чем нематериального.

Большинство сотрудников считают заработную плату основным элементом собственной мотивации.

Вывод 3. В частном предприятии малого бизнеса мотивация носит более закрытый характер. Высокий уровень межличностных связей между руководителем и подчиненными, основные процессы мотивации проходят внутри предприятия. На государственном предприятии мотивация носит более открытый характер, большую роль играет цель и важность работы сотрудника. На крупном совместном предприятии система трудовой мотивации зависит от неформальных связей между сотрудниками.

На основе проведенного исследования были разработаны следующие рекомендации:

1. В учебном процессе по подготовке специалистов управления человеческими ресурсами следует делать упор на социологию трудовой мотивации. В частности, это может быть введение курса по социологии организации и управления. Необходим пересмотр и изменение учебного плана с добавлением социологических теорий и обзора исследований в области трудовой мотивации.
2. На предприятиях целесообразно применение коллективной системы трудовой мотивации путем сплочения коллектива через неформальные связи на совместных нерабочих занятиях. Следует проводить обучение и тренинги повышения квалификации без отрыва от работы.

К сожалению, на сегодняшний день на российских предприятиях значение социологии в проблематике системы трудовой мотивации персонала отходит на задний план. Как показало исследование, на предприятии любого типа предпринимательской деятельности суще-

ствуется ряд социальных проблем, требующих новых подходов. В таком случае социологические подходы решения проблем трудовой мотивации могут стать новым словом в системе трудовой мотивации.

Маргарита Кулева

Смольный институт СПбГУ

Отношение к СМИ российского образованного класса (на примере представителей высокотехнологичных специальностей ВУЗов Санкт-Петербурга)

Объект исследования – гражданская культура российского образованного класса: самоощущение себя индивидами как граждан, которые наделены определенными резервами влияния, понимание своей ответственности перед обществом; озабоченность проблемами политики и общества.

Предмет исследования – отношение представителей высокотехнологичных специальностей Санкт-Петербурга к масс-медиа.

Важнейшая функция СМИ («четвертой власти») в гражданском обществе – наблюдение и контроль государства, информирование граждан о действиях властных структур, сдерживание действий власти.

Однако реальное функционирование масс-медиа часто сводится к другим, даже противоположным принципам: СМИ становятся орудием манипуляции и воздействия на общественное сознание в интересах государства (радикальную иллюстрацию можно найти в «1984» Оруэлла или «Generation Пи» Виктора Пелевина). В рамках стратегии общества потребления СМИ служит глобальной экономике культуры и навязывает гражданам определенные продукты etc.

Цель исследования – прояснить способ восприятия и взаимодействия этой части образованного класса с информационной средой: насколько активно респонденты соприкасаются со средствами массовой информации, хорошо ли ориентируются в современной информационной среде, насколько «реактивны» к СМИ, могут быть «идиосинкратичны» к ним – испытывают ли дискомфорт или недовольство от формы и содержания сообщений масс-медиа, или, наоборот, испытывают удовлетворение, насколько доверяют масс-медиа, отражают ли, по их мнению, СМИ реальное положение дел в обществе. Полагают ли они, что СМИ могут быть реальными рычагами воздействия на власть и общество, считают ли себя ответственными носителями гражданской культуры, способными и имеющими возможность изменить реальное положение дел в обществе.

Вопрос отношения общества к СМИ представляет особенный интерес в контексте последних событий в политике и экономике в стране и мире. Проблемы глобального экономического кризиса, российско-грузинский конфликт – «болевы́е точки» невозможно игнорировать, даже не занимая активную общественную позицию. Спрогнозировать развитие событий и последствия глобальных процессов сложно в принципе, тем более тяжело предугадать их возможные последствия для себя отдельному субъекту.

Интересно выяснить, как информационный фон влияет на экзистенциальное пространство респондентов в этой ситуации неопределенности: используют ли они СМИ непосредственно как источник информации, как способ оставаться в курсе в ситуации быстро меняющегося социального климата, насколько серьезно информанты подходят к новостным программам/изданиям/порталам.

Возможно, масс-медиа, наоборот, представляют для них один из вариантов ухода от социальных реалий: например, респонденты могут вообще не уделять внимания новостным СМИ, предпочитая развлекательные ТВ-программы/издания.

Особенно интересно отношение к СМИ представителей высокотехнологичных специальностей. Транзитивное состояние мировой экономики – от индустриальной, основывающейся на добыче природных ресурсов и промышленном производстве, к постиндустриальной, в которой главенствующую роль приобретает производство информации и наукоемкие технологии, делает сферу инноваций (микрорэлектроника, биотехнологии, космос, коммуникации, компьютерные технологии) все более значимой.

Переход к принципам постиндустриальной экономики в России, амбициозная инвестиционная политика в сфере hi-tech, сейчас активно декларируемые правительством, делают представителей высокотехнологичных специальностей, являющихся субъектами этого перехода, исключительно важной социальной группой.

В рамках исследования было проведено 20 глубинных интервью с представителями высокотехнологичных специальностей ВУЗов Санкт-Петербурга – выпускниками Университета химический и физический факультеты СПбГУ) и технического ВУЗа (Санкт-Петербургский Политехнический Университет): преподавателями 30-60 лет, а также выпускниками ВУЗов, аспирантами, студентами-старшекурсниками. В исследовании участвовали химики и физики, чья специализация связана со сферой высоких технологий.

Респондентов можно разделить на две большие подгруппы – старшее поколение (40-50 лет), молодое поколение (кандидаты наук/выпускники/аспиранты) – с одной стороны.

С другой стороны – по принципу различия образовательного бэкграунда – одна группа выпускники технического профильного ВУЗа, другие – Университета – «универсанты», получившее более широкое, классическое образование.

Вопросы, заданные респондентам были ориентированы на определения уровня их информационной культуры, мотивированности – как в своей узкой специализированной сфере, так и больших информационных магистралях, их навыки работы со СМИ – критика источников, насколько комфортно или дискомфортно они реагируют на информационный фон, считают ли масс-медиа особенной средой или наоборот неким проводником «без погрешностей», транслирующим реальность.

Важным вопросом исследования является связь доверия/комфортного восприятия/заинтересованности масс-медиа и отношения к власти, социальной реальности.

В ходе исследования были выявлены **три типа взаимодействия со СМИ**, характерные для представителей высокотехнологичных специальностей Санкт-Петербурга: **полная негация, нейтралитет, активная позиция.**

Негация, сознательное бойкотирование средств массовой информации, отрицание их значимости – стратегия старшего поколения специалистов технических ВУЗов. Такая позиция представляет некую систему в духе кибер-панка: СМИ транслируют заведомо ложные сигналы, о том, что происходит на самом деле, узнать невозможно.

Нейтралитет, характерный для специалистов Университета, предполагает более лояльное отношение к масс-медиа: СМИ представляют собой бесконечный поток, магистраль быстро сменяющих друг друга равнозначных сообщений. Эти сообщения – воспринимаются как абонентами как далекие, не влияющие на их личное экзистенциальное пространство, не могущие изменить его.

Активная позиция, характерная для молодых специалистов технического ВУЗа, предполагает критическое отношение к СМИ, базирующееся на тезисе «СМИ – это рыночный продукт», воспринимающий свою аудиторию не как публику, а как потребителей, производные которого изначально зависят от «формата» - определенной target group, рекламодателей, интереса владельцев издания.

Данным стратегиям соответствуют определенные гражданские позиции групп респондентов, взгляды на науку.

Секция 2. СООБЩЕСТВА В ИНТЕРНЕТЕ

Дмитрий Ясинский

СПбГУ, социологический факультет

Исследование воспроизводства отношений статуса и престижа в коммуникационной среде Интернет на примере социальной сети Вконтакте.ру¹

В докладе были изложены некоторые теоретические рассуждения о природе особого сегмента Интернет-пространства, которое носит название «веб 2.0» или «социальный веб» (*веб от англ. web – паутина = Интернет*). Кроме того, была предпринята попытка изложения некоторых систематизированных наблюдений за участниками проекта Вконтакте.ру, иллюстрирующих процессы воспроизводства статусных диспозиций, существование которых мы предполагаем.

Если говорить о некой общей картине, характеризующей социальный веб, то стоит помнить, что неравенство возникает в самом Интернете вообще, ещё между сайтами, и диктуется разным вниманием к сайтам, выражающимся в количестве посещений уникальных пользователей за единицу времени, повторным приходом пользователей и цитируемостью сайтов на внешних ресурсах. В случае сайтов, относящихся к социальному вебу, такое внимание выражается в коммуникативных практиках пользователей, увеличивающих трафик, направленный на донесения до внимания пользователей некоего месседжа. Физический объём данных, вероятно, будет зависеть от того, насколько

¹ <http://vkontakte.ru/help.php?page=about>

ко большее число людей будет выступать в качестве получателя этого сообщения. Иными словами, если пользователь сообщает конкретному человеку какую-либо информацию (будь то даже ухаживающее сообщение²) то её объём будет меньше, нежели в случае сообщения информации, предназначенной для довольно широкой аудитории. Нельзя оставить без внимания ещё и то обстоятельство, что социально-коммуникационные площадки (блоги, социальные сети, хостинги фотографий), преследуя разные цели, формируют вокруг себя разную аудиторию, которая, проявляя интерес к технически разным продуктам, воспроизводит цельную структуру ценностно-ориентированных различий между сайтами. В этой структуре сложно отделить практики от установок и когний. Дискуссия о приоритетности в социологическом дискурсе практик, либо фреймов³ приобретает в этом контексте довольно специфическую актуальность.

Социальный веб развивается очень быстро и захватывает всё большее количество людей, что приводит к тому, что это явление захватывает всё больше сфер повседневности: работу, учёбу, общение с друзьями, обсуждение личных тем. Если обратить внимание на рейтинги сайтов⁴, то можно увидеть, что наиболее популярной их категорией является «общение и знакомства», в которой с большим отрывом лидирует Вконтакте.ру. Именно этот сайт выбран в качестве объекта внимания данного текста в силу той социальной значимости, которую он приобрёл благодаря интересу пользователей Интернета.

² Понятие впервые введено в работе «Пользование ИКТ: дисциплина и антидисциплинарные тактики». Б. Гладарев // ЕУ СПб 2004 (с. 20)

³ Событийное строение повседневного мира. Исследование обыденного жеста – В. Вахштайн // МВШСЭН 2007

⁴ <http://www.liveinternet.ru/rating/ru/meeting/>

Распределение агентов по объёму экономического и социального капитала позволяет говорить о том, что они в состоянии образовывать в разной степени обособленные сообщества. Изучение различий между сообществами представляет интерес, потому что во многих сообществах и общностях Интернет-коммуникация накладывает очень серьёзный отпечаток на повседневные практики, кроме того, воспроизводство социальных границ в сети вообще изучено довольно слабо.

Интернет – среда, в которой средства выражения каких-либо намерений, вроде томного взгляда или агрессивного разминания пальцев, отсутствуют вообще, а возможности символической интеракции ограничены дизайном конкретного ресурса и, в случае Вконтакте.ру, регулярно расширяются. Одно только это обстоятельство показывает, насколько любые попытки приспособить этот интернет-проект к решению конкретных коммуникативных проблем с необходимостью сводятся к генерированию данных, объём которых прямо пропорционален объёму символического месседжа. Большая часть таких данных не несет однозначную информацию. Иными словами, если на Вконтакте.ру случается деловой разговор, то он, скорее, будет связан с относительно коротким текстом, нежели с публикацией картинок, музыки или видео на странице собеседника (см рис. 1).

Частота изменения визуального содержания влияет на количество уделяемого и фиксируемого внимания. Иллюстрация примера уделяемого внимания приведена на рисунке №2 – комментарии к фотографии. Данный пример показателен для понимания того, каким образом уделяемое внимание может выражаться численно. Стоит так же понимать, что не всякое внимание может быть запросто посчитано. Так, например, количество посещений страницы конкретного пользо-

вателя с обязательностью влечет за собой использование метода сбора данных⁵, отличного от обработки активности выбранных страниц машинным способом.

рис. 1

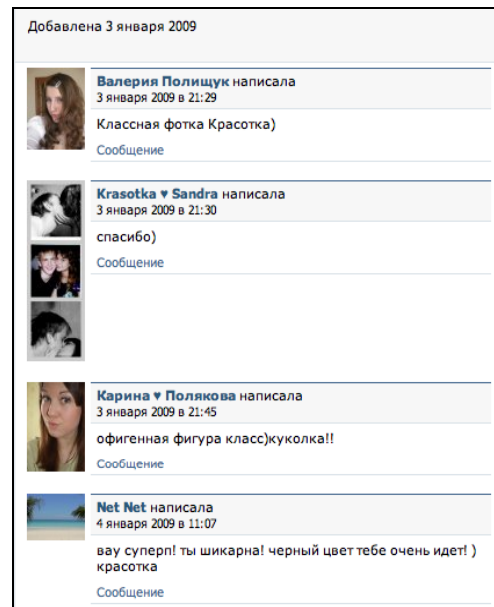

рис.2

Если приближаться к концептуализации измерения статуса в Социальной Сети через обоснование теоретических референтов, благодаря которым статусные изменения становятся заметными, то стоит вспомнить о ранее упомянутой прямой связи между увеличением траффика и ростом внимания к объекту. В силу того, что Интернет – среда статичная в том смысле, что контролировать свою самопрезентацию агент в состоянии только с некоторой периодичностью, а не на протяжении определённого времени, пользователи естественным образом подразделяются на тех, кто этим занимается, и на тех, кто этого

⁵ Автоматически отслеживать посещение одним агентом, страниц ресурса без использования ссылок типа «go to» невозможно, поэтому для реализации сбора данных понадобится разрабатывать и устанавливать специальное программное обеспечение, решающее эту задачу.

избегает. Исследование, использующее подобную логику, позволит на выборочной совокупности проверить следующее:

- Влияние объема генерируемого трафика (размещаемого контента) на количество «друзей»;
- Связь частоты обновления персональной информации с уделяемым вниманием;
- Связь количества «друзей» с частотой обновления личной информации.

В дальнейшей работе планируется понять, «дружат» ли те, кто добавляются в «друзья», или принципом, объединяющим людей, является логика data processing. Изучение объединения людей предполагает возможность постижения причин возникновения неравенства. Иными словами, ставится вопрос, когда обнаруживаются статистические схемы зависимости между порядками организации при достаточно тесных связях в индивидуальных сетях.

Иван Зырянов

Смольный институт СПбГУ

«Революция» библиотеки – файлообмен

Файлообменные сообщества – подвид Интернет-сообществ. Отличием файлообменных интернет-сообществ от большинства других является тот факт, что основная их цель и деятельность – невербальная коммуникация, обмен файлами при помощи специализированных технологий и программ (peer-to-peer), тогда как все остальные практики (включая вербальное общение) выстроены вокруг процесса файлообмена. Им присущи уникальные «неэкономические» практики. Виртуальная социализация отлична от процесса социализации в других сферах.

Виртуальное сообщество первобытно.

Появление файлообменных сообществ создало новую конфронтацию и стало толчком для развития новых политических движений, например, «пиратизма». Противостояние *copyright* и *copyleft* приобрело ощутимые формы.

Особенности организации: разделение на публичные и частные, четкое разделение пользователей на «актив» и «массы». Разность мотивов.

Очевидно сходство трекера с библиотекой. Сходство подчеркнуто самими участниками файлообмена. Эволюция или революция? – условно, революция библиотеки. Новая форма старой идеи.

Студенты и школьники составляют почти половину пользователей файлообменных сетей, значительное представительство людей технических специальностей.

Ratio – альтернатива деньгам, способная существовать в виртуальном пространстве.

Люди в большинстве своем готовы покупать понравившуюся продукцию, ранее приобретенную нелегально. Согласно некоторым исследованиям, потребители «пиратской продукции» они же покупают больше всех легальной цифровой продукции.

Зачастую файлообменщики скачивают «цифровые ценности» «про запас» и оценки «упущенной прибыли» правообладателей крайне условны.

Разница между различными языковыми средами и разность законодательства дает о себе знать – показатели тревоги русскоязычных пользователей файлообменных сетей значительно ниже, чем у англоязычных.

Секция 3. МОЛОДЕЖЬ: ГРУППЫ РИСКА

Мария Певзнер

Смольный институт СПбГУ

Уличная социально-образовательная работа с безнадзорными детьми: «Мобильная школа» в Санкт-Петербурге (case study)

Мобильная школа – это уникальный проект, не имеющий аналогов в мире. Создатели этого клуба руководствовались только интересами подростков, попавших в сложную ситуацию, а не указаниям государственных структур.

Мобильная школа – это одно из направлений деятельности Автономной некоммерческой организации «Герой», основанной ещё в 2000 году ведущими специалистами в области социальной работы среди подростков и молодёжи, наркомании и алкоголизма, охраны и безопасности Санкт-Петербурга. В Санкт-Петербурге появилась общественная организация «Клуб учебно-информационного обеспечения (Мобильная школа)», которая заняла свое определенное место в сфере образования подростков с девиантным поведением. Основа всей организации «Мобильная школа» и возможность функционирования построены исключительно на личных контактах участников проекта, сложившихся за годы их работы в сфере образования. Именно личные связи, своеобразное приватное пространство внутри Мобильной школы затем привело к трансформации с изменением институционального контекста данного проекта. Из сферы личного он пе-

реместился в сферу общественного и приобрел функцию одного из учреждений, деятельность которого направлена на социальную работу с детьми определенных категорий.

Необходимость реализации права ребенка на образование, зафиксированная во всех документах российского и международного уровня, относится и к ребенку улицы. Общеизвестным является факт, что безнадзорные и беспризорные подростки утратили связь со школой, имеют незначительный опыт учебной деятельности, как правило, негативный. Анализ проблем обучения показывает, что заметное влияние на процесс обучения оказывает расхождение психологического и социального возраста подростка. 12-16-летние «трудные» подростки, в отличие от своих сверстников, имеют не соответствующее их возрасту образование. У некоторых подростков, находящихся в тяжелой жизненной ситуации, социальная мотивация «иметь образование», «получить аттестат» может быть сформирована, но мотивация интереса к учебным занятиям блокирована негативным школьным опытом.

Среда, в которой живет большинство учащихся Клуба, характеризуется как неадекватная для нормальной социализации и дальнейшего развития личности ребенка.

В основном, подростки воспитываются в семьях, где родители имеют повторный брак. Отсутствие одного родителя затрудняет возможность детей знакомиться с различными вариантами социального опыта и влечет за собой односторонний характер их нравственного развития, нарушение устойчивых адаптивных способностей, неумение принимать самостоятельные решения.

Педагоги отмечают, что учащиеся Клуба учебно-информационного обеспечения (далее – КУИО) имеют большие проблемы в интеллектуальном, психическом и нравственном развитии. У подростков искажены или сужены представления об окружающем мире, интеллектуальные представления бедны, не развиты учебные умения и навыки, многие подростки полуграмотны, что является следствием непосещения ими в течение длительного времени общеобразовательных учреждений.

Основная задачи КУИО – снять у детей страх перед школой, восстановить и укрепить общие навыки, способность к волевому усилию, придать ребенку уверенность в своих силах и на этой основе пробудить у него желание быть учеником. Полученные навыки для части подростков могут стать основой в дальнейшей профессиональной деятельности, повысить уровень их социально-бытовой адаптации, расширить возможности их трудоустройства, что является основой в определении активности и самостоятельности в дальнейшей жизни.

Наметились основные направления в деятельности Клуба:

1. Помощь подростку и его семье в выборе образовательного маршрута в соответствии с его проблемами (степень запущенности, отсутствие мотивационных позывов к образованию, утеря навыков обучения, учет природных задатков и способностей и т.д.);
2. Помощь подростку в преодолении проблем в обучении (организация индивидуального обучения, репетиторство по основным предметам школьного образования, консультация по сложным учебным темам, экстернатное обучение, подготовка к сдаче экзаменов за курс неполной средней школы);

3. Помощь подростку в решении сложных социально-эмоциональных проблем развития (прежде всего, связанные с умением владеть своими эмоциями и чувствами, умение находить оптимальные пути разрешения конфликтов в среде сверстников, в семье, в школе и т.д.).

Целевая группа: дети и подростки, оказавшиеся в тяжелой жизненной ситуации, семья, находящаяся в трудном положении.

Основные направления деятельности:

- Консультирование и репетиторство по основным предметам школьного образования;
- Социальная помощь;
- Профилактика;
- Работа с семьей;
- Работа в социуме.

На уровне среднего звена руководители договариваются о передаче трудного подростка на индивидуальное обучение. Ребенок формально числится в образовательной школе, но обучение проходит в Мобильной школе. Все выставляемые оценки преподавателями Мобильной школы засчитываются. По положительным итоговым оценкам (до 8 класса включительно) несовершеннолетний переводится из класса в класс. Возможно прохождение основных предметов за один год два класса. Впоследствии подросток может продолжить обучение в общеобразовательной школе (9-11 классов) или в профессионально-техническом училище.

В рамках повседневного функционирования в КУИО происходит постоянное взаимодействие со следующими структурами:

- Образовательные учреждения (школы);

- Правоохранительные органы (комиссия по ДН, инспекция по ДН, секретари по ДН, ОВД, органы прокуратуры);
- Учреждения дополнительного образования (Дома молодежи);
- Социальные учреждения (государственные, негосударственные): районные социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, центр «Гуманитарные технологии безопасности», центр «Контакт», Городской центр профилактики безнадзорности и наркозависимости несовершеннолетних;
- Органы опеки и попечительства при Муниципальных образованиях;
- Учреждения здравоохранения («Врачи мира»);
- ПМС центры (медико-социальные центры «Гуманитарное действие»).

На базе интервью с информантами и наблюдений за процессами, происходящими в Мобильной школе можно сделать вывод о том, что сценарии попадания детей в КУИО могут быть следующими:

- Приводят родители;
- Инспектора по делам несовершеннолетних;
- Секретари по делам несовершеннолетних;
- Друзья и знакомые;
- Социальные работники;
- По направлению общеобразовательных учреждений;
- По направлению кризисных центров помощи и поддержки несовершеннолетних.

Проект Мобильной школы создавался специалистами кафедры социальной педагогики СПбГПУ им. Герцена, которые не только участвовали в создании научной концепции для КУИО, но и, работая на правах учителей, стояли у её истоков. По мнению всех участников системы, она функционирует только за счет того, что не находится под

контролем государства. Только благодаря независимому положению КУИО удастся сохранить свободу действий и уникальность технологий сопровождения детей в сфере образования, позволяющих быстро и эффективно решать учебные проблемы ребенка. Благодаря усилиям педагогов, социальных работников, работающих в Мобильном информационном клубе, успешно реализуются задачи по развитию мотивации личности к познанию, по повышению уровня коммуникативной и речевой культуры, по восстановлению образовательного уровня.

Мобильная школа является транзитным звеном, транзитным образованием для вышеперечисленных групп детей. Для них в стенах КУИО нет строгой школьной системы, против которой они зачастую и бунтовали, нет одноклассников, с которыми у них часто возникали конфликты. Сотрудники КУИО стараются проводить с подростками разъяснительную работу, поэтому на стенах помещения висят плакаты, рассказывающие о негативных последствиях курения и приема наркотиков. К наркотикам все подростки относятся резко отрицательно, но только трое из всех обучающихся не курят. Алкоголь употребляют регулярно все, в разговоре между собой постоянно рассказывают о последствиях своих прогулок с употреблением алкоголя.

Концепцию Мобильной школы необходимо вписать в реабилитационные и кризисные центры по работе с молодежью. Основной целью при сотрудничестве с Мобильной школой могла бы стать не только адаптация к общественной жизни, но и возвращение подростков в образовательную среду. Данная модель действительно перспективна, ее необходимо встроить в государственную машину, как консультационный клуб. Например, через Комитет по социальной поли-

тике, отдел социальной защиты района в Комплексный Центр Социального Обслуживания Населения, который сможет заниматься и учебно-информационным обслуживанием.

Анна Алексеева

Факультет социологии СПб филиала ГУ-ВШЭ

Дети в бедных семьях: организация воспитания

Согласно теории Броннфенбреннера, воспитание и развитие ребенка происходит не только в рамках взаимодействия между родителями и детьми, но и в более широком социальном контексте. Причем возможности родителей устраивать жизнь своих детей во многом зависят от того, где они работают, от их графика и уровня заработка. Рассмотрение социального контекста, в котором осуществляется воспитание детей, становится важной составляющей в исследованиях неравенства.

Данное исследование посвящено проблеме организации детского воспитания в бедных семьях, которые испытывают нехватку ресурсов и считают, что они нуждаются в помощи.

Эмпирические данные получены в ходе полевых исследований в Ленинградской области по программе «Бедность в локальном измерении» (2006 год), организованной фондом «Хамовники», и в рамках работы Научно-учебной лаборатории социологии образования и науки (2007-2008 годы).

Семьи, которые номинируются сообществом как бедные и нуждающиеся в помощи делятся на две группы: те, у которых есть среднее специальное образование и те, у кого закончена только школа.

Среднее специальное образование позволяет родителям работать по специальности на заводе или в совхозе, обеспечивая им постоянную работу и достаточно устойчивый заработок. Отсутствие среднего специального образования и возможности прожить на дет-

ские пособия формирует необходимость работать и искать временную подработку (см. Приложение 1).

Работа на заводе или в совхозе приносит низкий, но постоянный доход, однако характеризуется плотным расписанием, которое не позволяет родителям подолгу находиться с детьми.

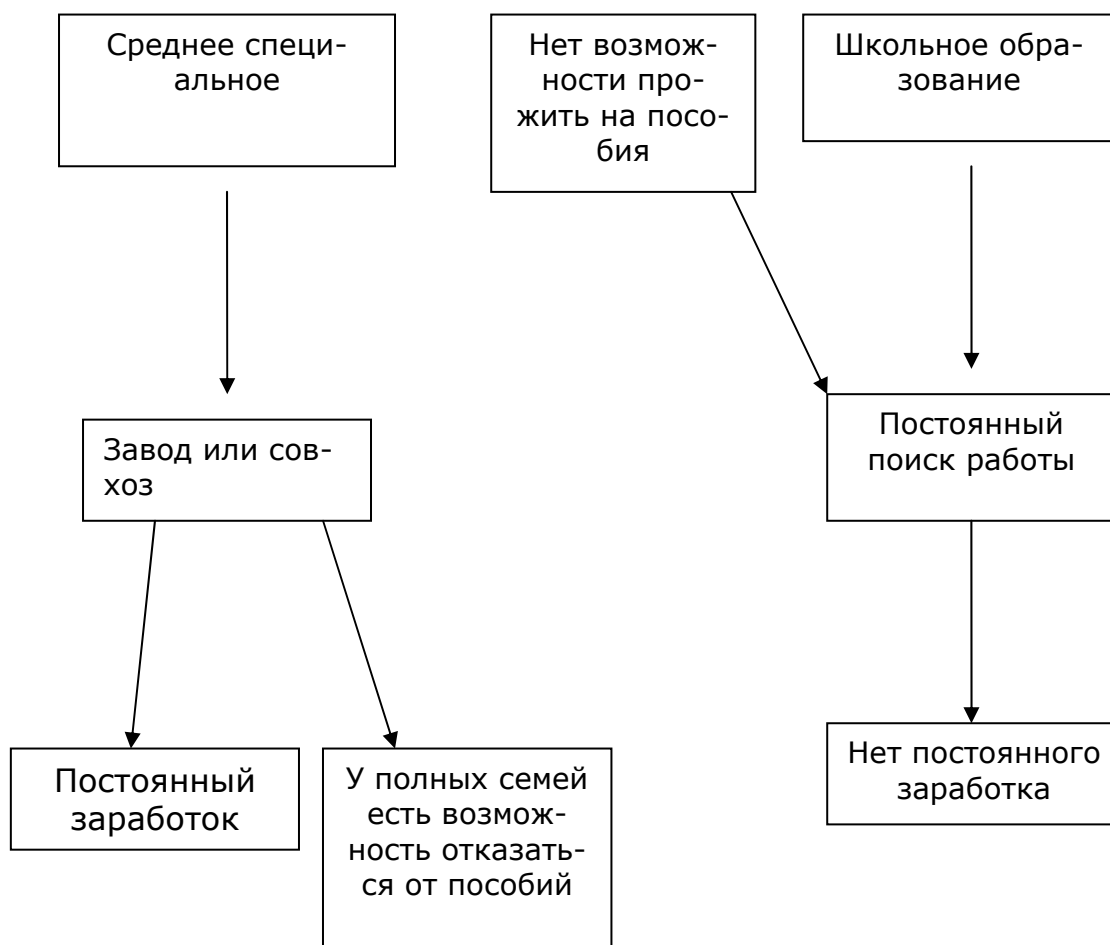
Постоянный поиск работы и случайные заработки не дают возможности уделять время детям.

Таким образом, задача родителей в бедных семьях сводится только к тому, чтобы накормить детей и обеспечить одеждой. В случае если родители не могут справиться с этими задачами, сообщество будет настаивать на том, чтобы ребенок был изъят из семьи.

Таким образом, воспитание детей часто ложится на неработающих родственников, старших братьев или сестер, а также на различные детские учреждения: круглосуточные детские сады, школы, кружки.

Эти условия не исключают влияния самих родителей на воспитание детей, однако они выявляют специфику организации воспитания в бедных семьях.

Приложение 1

Приложение 2

	Постоянное место работы		Непостоянное место работы		
	Оба родителя работают	Один родитель работает			
	Возможно отследить доход		Сложно отследить доход		
Полные семьи	Возможность быть с детьми зависит от расписания на работе, но расписание не позволяет, дети на родственниках и сообществе		Время, которое родители проводят с детьми, меняется, единственное, что четко отслеживается: расписание в детском саду, в первом-втором классе школы, дети постоянно на попечении сообщества		школа, сад
Неполные семьи		Нет возможности быть с детьми, остаются на родственниках друзьях,			
Полные семьи		Мать может оставаться дома без помощи соц. служб			до детского сада
Неполные семьи		Мать вынуждена сидеть с ребенком и прибегать к помощи соц. служб			

Елизавета Герм

Факультет социологии СПб филиала ГУ-ВШЭ

Навыки и практики детей сирот в детском доме

На протяжении последних нескольких лет Научно-учебной лабораторией социологии образования и науки проводились исследования в области образования и бедности в Приозерском районе. Летом 2008 года началось исследование детских домов и реабилитационных центров данного района. Как раз об этом исследовании я и хотела бы рассказать.

В течение второго полугодия 2008 года нами проводилось исследование в детском доме (далее – ДД) посёлка Сосново, Ленинградская область. В этом ДД на данный момент содержится 47 детей различных возрастов: от самого рождения до 17 лет. Изначально этот ДД был только для дошкольников, но со временем стали поступать и более старшие дети, в результате чего теперь там такой большой возрастной разброс. Стоит отметить, что в этом ДД в основном содержатся социальные сироты, то есть дети, родители которых живы, но их дети по тем или иным причинам были изъяты из семей.

Мы опрашивали детей и воспитателей с целью выявить основные механизмы попадания детей в детский дом, а также понять, каковы перспективы детей в будущем. Также попутно мы узнавали краткую историю семей детей. Под историей семей я подразумеваю информацию о том, где и кем работают их родители (если таковые имеются), есть ли у них братья и сестры и если есть, то чем они занимаются и где находятся на данный момент.

Надо отметить, что данный ДД имеет статус коррекционного. Судя по карточке здоровья, лежащей на видном месте у мальчиков в спальне, практически все дети чем-то больны. Самыми распространенными заболеваниями являются ЗПР и туберкулёз. Также, по словам психолога детского дома, все дети состоят на учете в милиции, а некоторые уже побывали в исправительной колонии.

Всего нами было взято 13 интервью у детей и 5 – у работников детского дома. В ходе интервью мы задавали детям различные вопросы, которые можно разделить на 4 основных блока:

- Школа: интересы, отношение к учебе и отношения с одноклассниками;
- Жизнь в детском доме: как организован досуг, что нравится/не нравится;
- Друзья: какое окружение у детей есть, помимо ДД;
- Семья: где ребенок родился, кем работают родители и т.п..

Исследование проводилось следующим образом: был составлен определенный гайд, затрагивающий вышеперечисленные сферы жизни детей. С этим гайдом мы приходили к детям и брали у них интервью. Одной из важнейших тем, которой мы интересовались, были **навыки детей**. Эта тема проходит насквозь через весь рассказ детей и может всплыть в любом из блоков. А именно: то, чему они учатся в ДД, чего они не умели раньше, пригождается ли им это в жизни и т.п. Интересным, с нашей точки зрения, оказалось то, что рассказы детей сильно расходились с рассказами воспитателей.

Я думаю, что сейчас стоит перейти к примерам и буквальноными цитатами проиллюстрировать мой рассказ. В некоторых случаях информация о навыках детей будет передана не непосредственно информантом, а через его рассказ о себе: то есть по рассказу респондента мы сами делаем выводы.

Итак, приобретенные в детском доме навыки зависят от того, сколько времени ребенок провёл в детском доме. Поскольку большая часть интервью была взята у детей, которые прожили в ДД более 5 лет, причем с раннего школьного возраста, все навыки они получали непосредственно в Детском доме. Под «всеми навыками» я подразумеваю навык застилания кровати, стирки белья, мытья рук перед едой и т.п. В принципе, все эти навыки можно объединить в один большой «навык поддержания чистоты». По словам воспитателей, большинство ребят прибывают в ДД с большими проблемами с гигиеной и, несмотря на то, что они могут быть уже довольно взрослыми, из-за недостатка внимания со стороны родителей эти дети не приучены к тому, чтобы следить за порядком. Ребенок, который растет среди людей, которые не ухаживают не только за квартирой, но и за самими собой (тут подразумевается элементарная повседневная гигиена), нигде не может почерпнуть эти навыки.

По словам воспитателей, многие дети приобретают в ДД так называемые «трудовые навыки», а именно: их учат пользоваться стиральной машиной, пылесосом, им прививают чувство ответственности, поскольку каждый ребенок в один из дней недели является дежурным и должен следить за поддержанием порядка и делать какие-то определенные вещи. Также старшие дети часто помогают возиться с малышами, помогают в уборке территории и т.п. Это важно не толь-

ко для развития данных навыков у детей, но и потому, что в ДД работают исключительно женщины (есть один-единственный проходящий физкультурник, но за время наших посещений он там не появился ни разу), а женщинам данная работа не под силу.

Таким образом, я кратко рассказала о положительных навыках, которые дети могут приобрести в ДД. Но есть и обратная сторона их социализации в большом коллективе. Положительные навыки детям прививают в основном воспитатели. Друг у друга же дети преимущественно учатся плохому. Один из самых распространенных навыков у детей – воровство и продажа металлолома. Также дети умеют попрошайничать: для этого они выбирают кого-нибудь одного и посылают его «стрелять деньги» (дети сами не рассказывали нам об этом, этот вывод сделан исключительно из наших собственных наблюдений, мы данную картину наблюдали неоднократно). Также дети очень быстро перехватывают навык ругаться матом (все без исключения дети вставляют в свою речь нецензурные слова) и курить (в группе мальчиков не курят только трое).

Таким образом, подводя некий итог сказанному, надо отметить, что дети при попадании в ДД получают не только положительные, но и отрицательные навыки. Но, с моей точки зрения, эти отрицательные навыки они могли бы получить и вне детского дома, поскольку такие дети всегда имеют соответствующий круг общения. Говоря же о положительных навыках – дети могут получить их только в ДД.

Александра Рыжкова
*СПб государственный университет
культуры и искусств*

**Отношение к экстремизму студентов Санкт-Петербурга
(анализ социологического исследования)**

Молодежный экстремизм как массовое явление, которое выражается в пренебрежении к действующим в обществе правилам и нормам поведения или в отрицании их, можно рассматривать с различных позиций. Ученые исследуют философско-психологическую природу экстремизма, чтобы охарактеризовать этот феномен во всех его частных и общих проявлениях, классифицировать и типизировать случаи экстремистского поведения. Не менее важным является и установление связи между социально-экономическим состоянием общества и ростом экстремизма в молодежной среде.

Поскольку активизация молодежного экстремизма в настоящее время представляет серьезную опасность для российского общества, она должна быть глубоко и всесторонне изучена, в том числе средствами социологического познания, как явление, требующее социально-правового, административно-управленческого и социокультурного противодействия.

В связи с ростом интереса к данной проблеме было проведено социологическое исследование среди студентов Санкт-Петербурга.

Исследование направлено на изучение отношения студенческой молодежи к проявлениям экстремизма. Следует отметить, что исследование было проведено в 2009 году, т.е. в относительно спокойный,

с точки зрения ксенофобии, период, соответственно ответы респондентов были достаточно терпимые и толерантные.

Задачей данного комплекса исследований было получение характеристик информированности респондентов об экстремизме и о существовании и деятельности организаций экстремистского толка.

В опросе принимали участие студенты следующих университетов: НИЯК (Невский институт языка и культуры), СПбГУ (Санкт-Петербургский государственный университет), ГУ-ВШЭ (Государственный университет – Высшая школа экономики), СПбГУКИ (Санкт – Петербургский государственный университет культуры и искусств), РГПУ (Российский государственный педагогический университет). Объем выборки составил 100 человек. Средний возраст респондентов составил от 17 до 23 лет. Это исследование является пилотным, его цель – определить отношение студенческой молодежи к проявлениям экстремизма в молодежной среде. Опрос студентов осуществился методом анкетирования по месту учебы респондентов. Среди респондентов 42% родились и постоянно проживают в Санкт-Петербурге, 36% живут в городе совсем недавно – от года до 3 лет. Из всех студентов 63% считают себя петербуржцами. Гражданами России себя считают 95%.

На вопрос *«Является ли Россия, по Вашему мнению, правовым государством?»* 44,6% ответили, что в целом является, 33,7% считают, что в целом Россия не является правовым государством, 21,7% затруднились ответить на данный вопрос. Вызывает опасение большое количество респондентов, которые затруднились с ответом на данный вопрос, что в условиях построения демократического государства может служить свидетельством крайней инфантильности населения.

Следующий смысловой блок анкеты был посвящен отношению молодежи к экстремистским организациям. Большинство студентов отрицательно относятся к подобным организациям. 47,5% опрошенных считают, что экстремистские организации властям следует запретить. Большинство студентов сталкивались в обыденной жизни с проявлениями экстремизма. Наиболее часто встречаемая форма проявления экстремизма – это пропаганда. Немалая доля опрошенных были свидетелями унижений, оскорблений из-за национального вероисповедания. Только лишь 15,9% опрошенных не сталкивались с проявлениями экстремизма.

Молодежь могла также сталкиваться с людьми, придерживающихся экстремистских взглядов или состоящих в экстремистских организациях. Данные исследования свидетельствуют о том, что 58,4% сталкивались с подобными людьми, 37% не сталкивались, 5% затруднились ответить.

Из блока анкеты, посвященного толерантным установкам, можно сделать вывод о том, что в сознании молодежи присутствует доля нетерпимости к другим национальностям, однако свыше 60% респондентов подобной неприязни не испытывает. Нетерпимость к людям других вероисповеданий испытывает лишь 3,0% опрошенных.

Последний смысловой блок анкеты был посвящен методам борьбы с экстремистскими организациями. Студентам было предложено ответить на открытый вопрос: *«Как вы считаете, какими должны быть основные направления работы с экстремистскими организациями?»*. Из мнений студентов можно сделать выводы о том, что необходим строгий контроль экстремистских организаций. Ряд студентов считают, что нельзя запрещать деятельность экстремистских организаций, так как это может вызвать агрессивную реакцию.

Часть респондентов считают, что необходимо воспитание толерантности и культуры общения.

Из исследования можно сделать следующий вывод: молодежь СПб достаточно информирована об экстремизме. Большинство студентов сталкивались когда – либо с его проявлениями, а также с людьми, придерживающихся экстремистских взглядов. Большая часть участников опроса имеет представление об опасности экстремизма. Вместе с тем, достаточно большое количество студентов затруднились с ответами на вопросы об опасности экстремизма и его запрете. Это может говорить, о том, что существует неопределенность, размытость представлений о том, что такое «экстремизм». Экстремизм является общим словом для обозначения негативных явлений.

Можно считать, что проведенная работа имеет не только научное, но и практическое значение и будет способствовать дальнейшему изучению природы экстремизма и методов противодействия в молодежной среде.

Секция 4. ПРАКТИКИ И ВЕЩИ

Максим Кудряшов

Смольный институт СПбГУ

Антропология заброшенного города: Модели рецепции в массовых представлениях

В массовых представлениях (размноженных в таких произведениях поп-культуры недавнего времени, как компьютерные игры Silent Hill, Fallout, S.T.A.L.K.E.R.: The Shadow Of Chernobyl) заброшенный город предстает как нечто стихийное, природное, населённое опасными существами, призраками, как нечто бесчеловечное, выпавшее из социального порядка. Городские развалины, замечает Ребекка Солнит, это «бессознательное города, его память, неизвестное, забытые земли»⁶. Для социальных наук такого объекта, как «заброшенный город», «город-призрак» – не существует, ведь в оставленных населённых пунктах отсутствует сам объект этих наук – общество и социальные связи. В крайнем случае, социология интересуется не уже мёртвым, а ещё умирающим поселением: тут она может схватить сам процесс депопуляции и оставления населённого пункта, констатировать разрушение социальной структуры населения, дать анализ социальных факторов и следствий миграции населения, выяснить социоэкономические причины депопуляции и т.д.⁷

⁶ Solnit Rebecca. A Field Guide To Getting Lost, p. 89

⁷ Например, в работе Шингарева «Вымирающая деревня» (1901) и в статье Татаркина и Перминовой «Последствия ликвидации локальной градообразующей отрасли на локальной индустриальной территории» (Регион: Экономика и социология, №1, 2007)

Но с полным исчезновением населения, т.е. объекта социологии, исчезает и сама возможность подойти к оставленному городу сколько-нибудь социологически. Опустевший город вызывает смущение, предстаёт как скандал, невозможно помыслить город без социального (Роберт Парк: «город – это социальная лаборатория»). Поэтому существует явная «антропологическая» потребность производить не только модели восприятия для этого маргинального явления (что находит отражение в явном переизбытке его репрезентации в произведениях массовой культуры), но и стратегии для «повторного вписывания» заброшенного города в социокультурный порядок. Мёртвый город на самом деле не умирает, в нём продолжает течь социальная жизнь.

Рассматривая фотографии, сделанные в заброшенных городах (для «сталкеров» именно фотографирование зачастую является единственным мотивом посещения городов-призраков), пейзажные или интерьерные, можно заметить, что они всегда сверхдетерминированы, композиция их сознательно построена так, чтобы вызывать устойчивые ассоциации с увиденными фильмами или стереотипными образами массовой культуры. Часто авторы проводят постобработку в графическом редакторе своих фотографий с целью придать им «большой колорит» или вызвать более сильные эмоции. Скажем, снимку может придаваться специфическая бордово-коричневая цветовая гамма, что определено должно вызывать ассоциации с «фирменной» эстетикой игр серии Silent Hill.

Модели восприятия заброшенных городов имеют собственную историю, которая уходит вглубь веков и непосредственно связана с романтическим и готическим способами восприятия архитектурных руин. Развалины древних городов до раннего Нового времени воспринимались сугубо утилитарно и не нагружались никакими символическими

смыслами: известно, что в Средние века Церковь использовала руины римских строений (того же Колизея) как источник стройматериалов (мрамора, кирпича, камня или мозаик для отделки интерьеров) своих зданий. А довольно большая часть Ватикана была полностью построена из мрамора, добытого из римских развалин. Впервые «проторомантическое» отношение к руинам встречается у поэта Жоашена дю Белле в цикле сонетов «Древности Рима» (1556). В XIX веке, с возникновением романтизма, руина стала относиться к эстетической категории возвышенного (Гегель: «Какой путешественник не задумывался перед развалинами Карфагена, Пальмиры, Персеполиса или Рима о недолговечности людей и царств и не проникался грустью по поводу исчезновения когда-то процветающей и богатой жизни»). Несколько ранее, с возникновением готического мироощущения (как реакции на Просвещение), руины стали восприниматься как нечто мрачное, угрожающее. Впервые зачатки готического восприятия руин можно отметить в творчестве Пиранези, авторству которого принадлежат многочисленные гравюры сумрачных развалин (не только римских, но и современных ему городских) и «воображаемых тюрем». В готической литературе конца XVIII–XIX вв., начавшейся с «Замка Отранто» Уолпола, развалины (освещенные лунным светом) – это уже скорее декорация, на фоне которой разворачивается некая леденящая кровь драма. И именно этот способ восприятия даёт начало современному, самому популярному фрейму восприятия городов-призраков как «декорации фильма ужасов» или обители призраков и потусторонних сил (яркий пример – «Сталкер» Тарковского и игра «Silent Hill»). Резкий подъём популярности «готического образа» заброшенного города, происходящий в последнее время, связан с подъёмом неоготического мировоззрения в контексте общего, социетального кризиса гуманистических ценностей и распадом

антропоцентрической картины мира, основанной на просвещенческих идеалах⁸.

Восхищение руинами достигает высшей точки в нацистском неоромантизме – в «теории ценности руин» «личного архитектора Гитлера» Альберта Шпеера. По замыслу Шпеера, руины, которые останутся от зданий третьего рейха спустя века и тысячелетия, должны были выглядеть красиво, благородно – подобно римским развалинам. Архитектор должен был разрабатывать не только проект здания, но и проект руин, в которые оно превратится. Теория Шпеера была в некотором смысле протестом против современной ему архитектуры функционализма, превращающей здания в бездуховные «машины для жилья» (Ле Корбюзье). Так, современные российские города-призраки представляют собой развалины функциональных зданий (домов типовых серий), заведомо лишенных «духа» и тех коннотативных значений, которые приписываются архитектурным руинам и развалинам древних городов. Функционалистские, типовые здания эстетически непривлекательны, их архитектурное решение исчерпывается только их функцией, они априори не способны вместить в себя иных значений (культурных, эстетических), кроме утилитарных и функциональных. Они являются серийными, то есть могут быть воспроизведены, поэтому не представляют интереса для культуры, объектом которой должно становиться неповторимое и уникальное.

Поэтому общество может попросту забыть заброшенный город, вытеснить его. В этом случае город становится метафорой или аналогом социального бессознательного, зачастую он вообще никак не охраняется, обычно в виду его труднодоступности, и остаётся обозначен-

⁸ См. Д. Хапаева «Готическое общество: Морфология кошмара» (М.: НЛЮ, 2008)

ным на современных картах (как заброшенные ПГТ Воркутинского кольца).

С другой стороны, город-призрак может стать институционализированным местом памяти. В этом случае он должен быть «достаточно старым», представлять исторический интерес. Практика превращения заброшенных городов в целые музеи под открытым небом распространена в США – например, город Боди (штат Калифорния) был оставлен в 30-х гг. XX в., а в 1962 году сделан Национальным историческим памятником США. Сейчас все интерьеры и здания Боди сохраняются в режиме «arrested decay» (приостановленного ветшания), то есть так, чтобы они выглядели заброшенными и ветхими, но всё же не портились со временем. Как пишет Дидия ДеЛизер, туристы, посещающие Боди, воспринимают его ландшафт и интерьеры, приписывая им стереотипный смысл, который они извлекают из фильмов-вестернов, из «социальной памяти» о Диком Западе. Посетив город-призрак, американец может понять самого себя, может ощутить свою причастность к великой нации и к её истории. Город-призрак, как можно видеть, вовсе не «мёртвый город», он включен в социокультурный порядок и имеет историческую ценность и большое воспитательное значение.

Заброшенный город может стать и «игровой площадкой», полем для художественного самовыражения, мастерской или даже материалом для творчества: в 2005 году в Припять приезжали «райтеры» из Москвы, Беларуси и Германии и оставили на стенах зданий большое количество граффити, что вызывало неоднозначную реакцию у сообщества бывших жителей города. Город-призрак может использоваться и как декорация для фильма: видео намибийского города-призрака Колманскоп использовались в клипе немецкой поп-группы Angelzoom

«Back In The Moment», на заброшенном японском острове Гункандзима снимались некоторые сцены фильма «Королевская битва II».

Андрей Беляев
Смольный институт СПбГУ

Что вещи могут рассказать о практиках. Старые путеводители как информанты

Теоретические предпосылки

Если мы занимаемся исследованием вещей, то мы рискуем допустить следующую ошибку: исследовать вещь лишь как знак прошедшей эпохи, другой социальной и исторической ситуации. Ошибочно исследовать вещи, как нечто, что несёт в себе дух прошедшей эпохи. Подобный взгляд на старые вещи основан на наших аффектах, связанных со старыми вещами. Вышедшие из употребления вещи отсылает наше внимание не к многообразию практик, в которых они участвовали, но лишь к одной из этих практик или к общему представлению об эпохе.

Чтобы адекватно исследовать (старые) вещи с социологических позиций, стоит понять, что мы можем узнать у вещей обо всём многообразии практик и институтов, в которые они вовлечены. Среди этих практик заведомо можно выделить три группы: производство вещей, распространение вещей (в том числе и продажа) и их использование.

Мы можем «извлекать» из вещей два вида знания о практиках. Первый вид свидетельств — это свидетельства-следы, прямые свидетельства, которые оставляют практики. В первую очередь это практики производства, так как вещь — это знак, след производства, овеществлённый труд. Практики использования вещей тоже оставляют на вещах следы, но эти следы часто не являются достаточным свидетельством о практиках, в которые вовлечены вещи. Второй, доступный из вещей, вид знания о практиках — это знание об использовании, которое делают возможным, предполагают и предлагают вещи. Это знание о том,

как вещь подстроена под практику и как вещь способна навязывать социальным акторам определённый способ использования. Если в первом случае мы имеем дело с материальными следами, то во втором мы имеем дело с диспозициями, возможностями, которые не могут являться прямым свидетельством.

На основании этого имеет смысл рассматривать производство не только как обеспечение уже существующей практики необходимыми ей вещами, но и как способ влиять на практику, формировать её.

Следствия для социальных исследований вещей

Имеет смысл исследовать то возможное поведение, которое предлагается/навязывается через использование вещей как часть политического и экономического менеджмента повседневных практик. Другими словами: исследовать через вещи политику в отношении повседневных практик, и механизмы функционирования этой политики практик.

При производстве вещей имеет место как осуществление политики и маркетинга непосредственных институтов производства, так и осуществление культурной, идеологической политики государства или экономических институтов, «силовые линии» которой проходят через институт производства. Здесь также можно исследовать открытые для социальных акторов возможности обходить предлагаемые/навязываемые практики использования.

Подобное направление исследований имеет смысл для анализа и тех вещей, которые традиционно принято рассматривать лишь как репрезентации, как носители определённого образа или значения. В числе прочих, к таким вещам относятся и путеводители.

Путеводители не как репрезентации города или «образ города», но как предлагаемые/навязываемые туристические практики

Путеводитель даёт туристам возможность осваивать незнакомый город самостоятельно, индивидуально, независимо от экскурсий или проводников. Путеводитель предоставляет туристу замену знаний о городском ландшафте, которых турист лишён, и позволяет туристу перемещаться по городу и исследовать достопримечательности без риска потеряться. Но, в то же время, сам путеводитель обуславливает перемещения туристов, ориентирующихся с его помощью. Здесь можно выделить несколько механизмов власти и контроля путеводителя, относительно которых турист, использующий путеводитель обладает разной степенью свободы.

Первый механизм — это предоставление/ ограничение возможности свободного перемещения по городу. Особенности этого механизма хорошо видны в различии путеводителя с картой и исключительно текстовым путеводителем. В первом случае турист имеет возможность свободно перемещаться по той части города, которая изображена на карте, во втором случае только по описанным маршрутам. Другой механизм — это механизм руководства перемещениями туриста. Этот механизм хорошо виден в инструкциях, на которых основаны предложенные путеводителем маршруты (к примеру: пройти дальше, посмотреть направо). Третий механизм — это механизм привлечения туриста к разного рода «важным» местам и достопримечательностям, которые упомянуты или особо выделены в путеводителе.

На основе этих механизмов управления туристической практикой можно говорить о политике в отношении туризма и туристов, проводником которой были путеводители.

Путеводители по Ленинграду и Петербургу и политика в отношении туризма

Исследуя путеводители по Ленинграду и Петербургу, изданные с конца шестидесятых до середины девяностых годов, можно обозначить следующие изменения в том, что предложено туристу и, следовательно, в политике, направленной на туриста.

К девяностым годам сжимается пространство возможных туристических прогулок. Карты девяностых годов не включают в себя городские окраины. По сравнению с путеводителями семидесятых годов в туристических атласах восьмидесятых гораздо меньше описаний мест, находящихся не в центре и маршрутов, проходящих сквозь нецентральные районы. Если в путеводителях семидесятых годов для туристического осмотра предложен город в его современном состоянии, в том числе, как достижение градостроительства современного социализма, то в путеводителях девяностых годов туристу предлагается та часть города, которая представляет «культурный», «исторический» и потребительский интерес.

По путеводителям можно проследить два важных различия в политике, направленной на туриста, между советским и постперестроечным временем. Это изменение политики исторической памяти и изменение роли потребления.

Содержание советских путеводителей было во многом обусловлено государственной политикой в области исторической памяти и культуры. Производители путеводителей в девяностых годах зависели не столько от государства, сколько от рынка и рекламодателя. В постперестроечных путеводителях для туристического посещения предложено гораздо больше мест потребления (через прямую и скрытую рекламу), чем в советских (где места потребления упоминались скорее в спра-

вочной информации). Причём увеличение роли мест потребления в путеводителях происходит за счёт уменьшения или исчезновения пассажей и описаний, посвящённых современному социалистическому строительству и исторической памяти о революции. Видно, как сменяются те институты, политику которых проводит путеводитель: на смену институтам государства приходят институты капитала. Если представленные в путеводителе механизмы трансляции идеологии и исторической памяти, предполагают чтение текстов, посещения памятных мест и музеев, то осуществление предложенного туристу потребления требует ещё и практик траты, обмена.

Путеводитель также можно рассмотреть как проводник политики памяти. Если не считать память о блокаде, то в советских путеводителях основной массив транслируемой официальной памяти касался предреволюционного, революционного и советского времени, а в путеводителях девяностых годов это была память об основании города и о российской империи. Причём в первом случае был практически исключён массив истории дореволюционной России (представлены в основном темы, связанные с градостроительством и культурой), а во втором — большая часть массива советской исторической памяти. Одно из следствий этого: представленное в советских путеводителях историческое время вплотную подходит к настоящему, а в постперестроечных — отрезано от настоящего неописанным советским периодом (даже архитектура двадцатых годов никак не представлена в путеводителях девяностых годов).

Елена Филимонова
*СПб государственный университет
культуры и искусств*

Возможности методов визуальной социологии на основе сравнительного анализа фотографий

Визуальная социология – дисциплина молодая и совсем неустоявшаяся, но ее появление обусловлено временем. Визуальные образы ныне вплетены в повседневность. Восприятие окружающего мира становится все более опосредованным изображениями. Образы конструируют и формируют наше постижение мира.

Предметом исследований визуальной культуры являются различные зрительные образы, которые принадлежат человеческой культуре: живопись, графика, скульптура, фотография, реклама, телевидение, кино, видео, компьютерные игры, интернет и другие.

Огромную роль – роль посредника – в реальном мире играет фотография. Со временем фотография получает все более выразительное социологическое содержание. Только недавно замечено, что фотография может служить более глубоким познавательным целям, не только как способ регистрации данных или иллюстрации текстов, но и как посредник в получении нового знания или критической перспективы.

Связь фотографии и социологии наиболее заслуживает внимания с учётом специфической ориентации обеих дисциплин и возможности контакта. Интерес к социальной действительности, профилирующий в социологии, является таковым и для фотографического творчества.

Фотография становится релевантным методом и источником информации именно для социологии, выполняя в этом случае познавательную функцию.

Интерес социального исследователя к фотографии – это интерес к коллективному опыту и коллективным представлениям. Фотография интересна для социологов, как минимум, в трех аспектах: как объект анализа; как материал социокультурного анализа; как инструмент сбора социологической информации.

В петербургской «Ночлежке» и детском доме «Детский Ковчег» был произведён сбор визуального материала с целью, показать возможности методов визуальной социологии, на основе анализа фотографий и как следствие осветить проблему бездомности под новым углом зрения.

Чтобы добыть всё богатство социологической информации, которое несёт в себе фотография, недостаточно поверхностного рассмотрения, необходимо проникнуть вглубь скрытых измерений. Фотография не обладает способностью говорить сама за себя, следовательно, информацию нужно из неё добыть, интерпретировать, раскодировать содержание.

Для анализа фотографий были использованы герменевтический и семиотический методы интерпретации и метод дескрипции. Если герменевтическая интерпретация обращается к индивидуальной психике автора снимка или представленных на снимке людей, и в результате этого информация, изымаемая из фотографии лишь частична, и не является исчерпывающей, то семиотическая интерпретация проникает в область культуры, общих для всего коллектива правил и позволяет дополнить информацию, полученную предыдущим методом.

Чтобы ответить на центральный вопрос исследования: как выглядит мир глазами бездомных и воспитанников детского дома, я разделила каждую группу фотографий по тематической основе. Затем, используя дескрипцию, герменевтический и семиотический методы ин-

терпретации фотографии, я подробнее рассмотрела несколько снимков из каждой группы. Сначала те, что имеют общий содержательный стержень и впоследствии остальные неповторяющиеся группы.

Восприятие мира жителями «Ночлежки» и воспитанниками детского приюта сильно разнилось, даже там, где снимки имели общий тематический стержень, что проявлялось в выборе запечатлённых объектов. Стремление подростков продемонстрировать творческий потенциал, привнесение художественного стиля в фотографию и при этом нежелание вступать в контакт с прохожими и боязнь улицы противостоит желанию бездомных указать на жестокую правду их окружающего мира, безбоязненный контакт с прохожими и другими бездомными.

А. Р. Усманова отмечает, что для большинства русскоязычных читателей само словосочетание «визуальные исследования» возможно, звучит пока несколько экзотически. Однако, даже и в постсоветском академическом пространстве данное направление потихоньку обретает статус вполне весьма перспективной исследовательской и образовательной программы.

Визуальная социология – дисциплина с будущим. Несомненно, что насыщение общественной жизни визуальным содержанием будет расти в позднесовременную эпоху. Визуальная компетенция будет всё более важной для участников общественной жизни, как и визуальное воображение для исследующих общество социологов.

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

Конференция молодых социальных ученых
Санкт-Петербурга

16 мая 2009 года

Тезисы докладов

Лицензия ЛР № 020593 от 07.08.97

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор продукции
ОК 005-93, т. 2; 95 3004 – научная и производственная литература

Подписано в печать 20.04.2010. Формат 60x84/16.
Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 4,0. Заказ 5924б.